

Н. Я. СОЛОВЕЙ

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ XXIII—XXVI СТРОФ ВОСЬМОЙ ГЛАВЫ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

Во многих работах затрагиваются проблемы творческой истории романа «Евгений Онегин»; тем не менее текстологическое изучение черновиков «Евгения Онегина» позволяет по-новому осветить отдельные моменты работы Пушкина над романом. В этом отношении особый интерес представляют черновики XXIII—XXVI строф 8-й главы, в которых Пушкин сатирически изобразил высшее петербургское общество своего времени. Эти строфы переделывались поэтом особенно много раз, в результате чего их первоначальное чтение отличается от окончательного.

Прослеживая историю создания этих строф и опираясь при этом на текстологическое исследование сохранившегося рукописного материала, автор поставил перед собой задачу восстановить последовательность работы Пушкина над этими строфами и понять причину многократных переработок исследуемого текста.

— — —

Первоначально петербургский салон Татьяны в XXIII—XXV строфах белого автографа, переписанного до 3 мая 1830 года и содержавшего только сорок одну строфу, был обрисован А. С. Пушкиным с нескрываемой симпатией.

XXIV

В гостиной истинно дворянской
Чуждались щегольства речей
И шекотливости мещанской

Журнальных чопорных судей.
В гостиной светской и свободной
Был принят слог простонародный
И не пугал ничьих ушей
Живую странностью своей:
(Чему наверно удивится
Готовя свой разборный лист
Иной глубокий журналист;
Но в свете мало ль что творится,
О чем у нас не помышлял,
Быть может, ни один Журнал!).

XXV

Никто насмешкою холодной
Встречать не думал старика
Заметя воротник немодный
Под бантом шейного платка.
И новичка-провинциала
Хозяйка [спесью] не смущала
Равно для всех она была
Непринужденна и мила
Лишь путешественник залетный
Блестящий лондонский нахал
Полу-улыбку возбуждал
Своей осанкою заботной —
И быстро обмененный взор
Ему был общий приговор.
(VI, 626—627).

Описание великосветского салона Татьяны в этом варианте полемически заострено против современной Пушкину журнальной критики. В XXIV строфе Пушкин суммировал свои впечатления от чтения новейших журнальных статей, в которых «Граф Нулин», «Полтава» и только что вышедшая VII глава «Евгения Онегина» (18 марта 1830 г.) получили отрицательную оценку критиков. К реалистическим произведениям поэта критика подходила главным образом с позиций романтической эстетики и «нового слога» школы Карамзина, для которой образцом литературного языка была разговорная речь дворянских салонов, а критерием оценки ее — требования хорошего вкуса, наиболее тонкими носителями которого объ-

являлись образованные светские женщины («паркетные дамы», по ироническому замечанию Пушкина).

Пушкин, широко вводящий элементы просторечия и народную разговорную лексику в язык своих произведений, добивавшийся естественности и правдивости описаний и характеристик своих героев прежде всего средствами языка, боролся против насаждения в литературе и обществе искусственного и манерного салонного языка. «В зрелой словесности приходит время, — писал он, — когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному» (XI, 73). Отвечая на критику своих языковых нововведений («Северная Пчела» сетовала, например, что в «Евгении Онегине» отсутствует «тон большого света»), Пушкин утверждал, что в действительности наиболее культурные представители дворянского общества не чуждаются в своей речи народных выражений, говорят просто и самобытно. При этом поэт мог иметь в виду постоянно посещавшийся им салон Е. А. Карамзиной, где «собирались литераторы и умные люди разных направлений... где говорили по-русски»². В XXIV строфе Пушкин развивал те же мысли, что и в «Письме к издателю «Литературной газеты», которое возникло приблизительно в одно время с созданием белой рукописи девятой главы романа в стихах. «Но не смешно ли им (журнальным критикам — Н. С.) судить о том, что принято или не принято в свете, что могут, чего не могут читать наши дамы, какое выражение принадлежит гостиной (или будуару, как говорят эти господа)... Не странно ли в ученых изданиях встречать важные рассуждения об отвратительной безнравственности такого-то выражения и ссылку на *паркетных дам*? Не совестно ли вчуже видеть почтенных профессоров, краснеющих от светской шутки? Почему им знать, что в лучшем обществе жеманство и напыщенность еще нестерпимее, чем простонародность (*vulgarité*), и что оно-то именно и обличает незнание света? Почему им знать, что откровенные, оригинальные выражения простолюдинов повторяются и в высшем обществе, не оскорбляя слуха, между тем как чопорные обиняки провинциальной

¹ А. И. Кошелев. Записки. Берлин, 1884, стр. 30.

вежливости возбудили бы только общую невольную улыбку»².

Итак, общество, собиравшееся в доме Татьяны, сперва было обрисовано преимущественно как собрание единомышленников и друзей хозяйки. Это изображение находилось в полном соответствии с трактовкой Татьяны и ее положения в свете, которую поэт давал своей героине в пределах переписанных набело сорока одной строфы. В перебеленной рукописи не было ни слова об одиночестве Татьяны в обществе, она еще не говорила о своем желании отдать «всю эту ветошь маскарада» за прежнюю жизнь в деревне.

В беловом автографе строфы ХLI девятой главы записан вариант, из которого видно, что к моменту последней встречи героев между ними еще сохранилось непонимание, а Татьяна была охвачена чувством досады и неприязни к Онегину:

Подите... полно — Я молчу —
Я вас и видеть не хочу!
(VI, 635).

Если бы в беловике сохранился этот вариант, то с чисто психологической стороны был бы сильно затруднен, а может быть, и невозможен переход к последующему доверительному завершению разговора Татьяны с Онегиным, когда она поведала ему о своих внутренних терзаниях, страданиях, о затаенной любви к нему. Между тем логика развития характеров и основного конфликта в романе такова, что герои именно в последнее их свидание должны были впервые во всей полноте ощутить свою духовную близость, сходство своих взглядов на светское общество, свое одиночество в нем, свою тоску по несбывшимся мечтам молодости.

Поэтому в незавершенной рукописи девятой главы необходимо было развить и обосновать мотив одиночества Татьяны в свете, необходимо было показать, что за внешним блеском и благополучием ее общественного положения скрывается неудовлетворенность своей жизнью; необходимо было убедительнее обосновать общность переживаний обоих героев, которые были обусловлены воздействием одной и той же социальной среды.

² А. С. Пушкин. Собрание сочинений в десяти томах, т. 6. Гослитиздат, М., 1962, стр. 318.

Вот почему вскоре после того, как была перебелена 41 строфа девятой главы, еще задолго до поездки в Болдино, возникли две новые строфы (одна из них стала XXIV в окончательном тексте, а другая в него не вошла), пронумерованные арабскими цифрами 24 и 25 (см. VI, 628—629). В этих строфах Пушкин наметил сатирический поворот в описании салона Татьяны:

Тут был однако цвет столицы,
И знать и моды образцы,
Везде встречаемые лица,
Необходимые глупцы...

(VI, 176, стр. 628).

Поэт развивал мотив внутренней разобщенности завсегдаево салона; о дамах, например, говорилось, что они:

Соединенные случайно
Друг дружке чуждые душой
Сидели тут одна с другой³.

(VI, 629).

— — —

Работа в этом плане продолжалась в июле 1830 г. в Петербурге. Едва начав письмо Наталии Николаевне от 20 июля по-французски, в так наз. «арзрумской тетради» на листе 32₂. Пушкин здесь же начинает набрасывать строфу, мотивы которой через год частично будут использованы в будущих XXV и XXVI строфах окончательного текста. Работа шла нелегко. Об этом говорят не столько обычные для Пушкина зачеркивания приходящих в голову вариантов, сколько многочисленные наброски и упорная обработка одних и тех же мотивов. Пушкин трижды приступал к созданию этой строфы. Он перепробовал разные варианты ее начала, менял формулировки одних и тех же мыслей, но строфа на этом этапе работы так и не сложилась (см. VI, 512—515).

Посмотрим, как работал поэт над мотивом Сен-При.

Первая мысль о нем мелькнула в самом начале работы над строфой. При второй попытке обработать первое четверостишие Пушкин записал:

³ Здесь и дальше в текстах Пушкина разрядка наша — Н. С.

1. Карри < катур > Сен-При
и тут же зачеркнул сделанный набросок.

К этому мотиву он вернулся на новом 34₁ листе.

2. Явился притупивший
Карандаши Сен-При
3. Явился притупивший
В альбо <мах> все карандаши

По этой записи еще нельзя понять, какое место в строфе мог бы занять мотив Сен-При, потому что, судя по окончаниям, на схеме онегинской строфы эти строки возможны в положении 1—2, 3—4, 6—7, 9—10 или 12—13 стихов. Варианты эти тут же зачеркиваются, но не проходят бесследно. Поэт к ним еще вернется.

Сразу же за этими набросками Пушкин осуществляет третью попытку создать строфу. Он обрабатывает первое четверостишие и включает в него все еще не сложившийся, но продолжающий занимать его мотив Сен-При.

4. Явился Стасов славный малый
Известный низостью души
И страстью открывать все балы
St. <При> свои карандаши.

Тема Сен-При уложилась в ритм строки, но не получила еще своего логического и грамматического выражения и еще не связана с предшествующими строчками ни семантически, ни синтаксически.

Новый вариант дает уже законченное по мысли четверостишие:

5. Явился Стасов славный малый
Известный низостью своей
И страстью открывать все балы
Предмет St.-При карандаш <ей>.

Но удовлетворения это четверостишие Пушкину не приносит, четвертая строка зачеркивается. Возникает новая вариация варианта № 2, возможная в положении 2—3, 4—5, 8—9 или 11—12 стихов.

6. Над ним свои карандаши
St. При тупил неоднократно.

Теперь становится явным, что Пушкин хочет сохранить метафору — образ посетителя, на котором Сен-При притупил свои карандаши. В этом варианте мотив Сен-При, по-видимому, выходит за пределы первого четверостишия (наиболее вероятно для этих строчек положение 4—5 стихов, потому что в 1—3 стихах идет речь о Стасове. См. вариант № 4).

Поиски в этом направлении продолжатся. Возникает еще один вариант, представляющий комбинацию 5, 6 и 7 стихов, т. е. сделана попытка разработать мотив в рамках только второго четверостишия.

7. Явился Р<?> знаменитый
Карандашом St. При убитый
Известный низостью своей

Но и этот набросок тут же был зачеркнут.

Только через год сложилось первое четверостишие, в котором так долго не дававшийся мотив получил наконец свое окончательное выражение:

8. Тут был Проласов заслуживший
Известность низостью души
Во всех альбомах притупивший
St. Priest твои карандаши.

Заключительная строчка этого четверостишия во всем его контексте обладает повышенной емкостью: служа целям характеристики любителя балов, одновременно благодаря прямому обращению к Сен-При она несет в себе разговорную тональность, характерную для стиля «Евгения Онегина» (ср.: «Друзья Людмилы и Руслана, с героем моего романа... позвольте познакомить вас», «Шишков, прости, не знаю, как перевести» и др.). Кроме того, обращение к Сен-При помогает выдерживать хронологию событий романа, в котором, по выражению Пушкина, «время расчислено по календарю». Карикатурист Сен-При умер в 1828 году, но действие происходит весной 1825 года, и упоминание о карикатуристе — уместная деталь в жизни общества той поры, о которой рассказывает поэт.

Рукопись хранит любопытные примеры того, как Пушкин, создавая свои художественные образы, во многих случаях идет от очень конкретных жизненных впечатлений, порой имеющих узко биографическое значение. Так, например, ха-

рактизуя гостей Татьяны, поэт набрасывает на листе 32₂ портрет светской женщины, которая «уж так писклива, так мала», «так бестолкова», «так жеманна».

Сперва намечается только мотив и рифма:
тут была

Затем возникают имена:

Annette Olenine тут была
Lisette тут была
Лиза тут была

На следующем листе 33₁ Пушкин записал строку в законченном виде:

Тут Лиза Лосина⁵ была.

На листе 33₂, продолжая работу над мотивом Лизы, Пушкин намечает мотив ее отца; этот образ ассоциируется у Пушкина с представлением об отце Анны Олениной — А. Н. Оленине, президенте Академии художеств и директоре императорской Публичной библиотеки. В конце строки Пушкин изобразил монограмму, которой Оленин обычно подписывал свои рисунки⁶.

Тут был ес отец

Поиски образа продолжаютя:

Тут был отец ее пр о л а з
Тут был —
Тут был —

Под этим стихом повторение монограммы:

О двух ногах нулек горбатый.

⁴ Вариант «Annette Olenine тут была» был зачеркнут, и Пушкин больше к нему не возвращался, хотя мысль дать сатирический портрет светской женщины беспокоила его долго. Поэтому едва ли правильно «останавливать это мгновение творческого акта и невольно придавать ему самостоятельное значение, публикуя подобного рода промежуточные, «бегущие» варианты как нечто самостоятельное и законченное в отделе «Из ранних редакций». (См.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. Изд. третье. Т. 5. Изд. «Наука», М., 1964, стр. 555). Это правомерно лишь в собраниях сочинений, где приводятся все черновые варианты.

⁵ Чтение фамилии в подлиннике затруднено поправками. Можно предположить и другие варианты: Люсева, Лосьина, Лыкина.

⁶ См.: Пушкин и его время. Исследования и материалы. Выпуск первый. Изд. государственного Эрмитажа, Л., 1962, стр. 337.

Пушкин находит едкий вариант характеристики Оленина, метко оформляя в слове зрительное впечатление от монограммы:

Нулек на ножках.

Однако все варианты характеристики отца-пролаза Пушкин последовательно зачеркивал и на этом же листе продолжил работу над образом Лизы. Найденные здесь стихи он снова записал на следующем 34₁ листе, прерывая черновую работу над строфой:

Но дрожь Онегина взяла:
Тут Лиза вошла
Так неопрятна и писклива
Что поневоле каждый гость
Предполагал <в ней ум и злость>.

В приведенных выше черновых набросках, впервые опубликованных в 1937 году Б. В. Томашевским⁷, раскрывается глубокая неприязнь Пушкина к семейству Олениных. Известно, что еще весной 1828 года Пушкин был частым гостем в этой семье. Отношения семьи Олениных к Пушкину круто изменились после решения Государственного Совета от 28 июня 1828 года по делу о распространении отрывка из «Андрея Шенье» об установлении за Пушкиным секретного надзора — в числе подписавших это решение был и А. Н. Оленин. Т. Г. Цявловская пишет: «Составив список тех лиц, кому следует развезти визитные карточки к новому, 1830 году, Пушкин записал и Олениных и тут же вычеркнул их. Он перестал считать их своими знакомыми»⁸. Неприязнь к Олениным Пушкин сохранил до конца своей жизни⁹. Рукопись обнаруживает следы борьбы между стремлением дать выход неприязни к Олениным, а с другой стороны — сохранить чувство меры и найти место создаваемым образом в общей картине. В результате мотив Лизы, над которым Пушкин упорно работал, возвращаясь к нему не менее пяти раз, как и мотив «отца ес пролаза», существенно трансформировался, найдя лишь очень глухое отражение в тексте.

⁷ Б. В. Томашевский. Из черновики «Онегина». Новые материалы — «Вечерняя Москва», 1937, 23 января, № 18, стр. 3.

⁸ Т. Г. Цявловская. Дневник А. А. Олениной. — В кн. Пушкин. Исследования и материалы, т. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 281

⁹ Ф. Я. Прийма. Пушкин и кружок Оленина. — Там же, стр. 246

Приведем пример уплотнения стиховой ткани.

Черновик. Л. 32₂

1. Тут был граф Д<ашков> добрый малый
Известный
Охотой открывать все балы
И также низостью души.

Л. 34₁

2. Явился Стасов славный малый
Известный низостью души
И страстью открывать все балы
St.<При> свои карандаши.
3. Явился Стасов славный малый
Известный низостью своей
И страстью открывать все балы
Предмет St. При карандашей.

Окончательный текст:

4. Тут был Проласов, заслуживший
Известность низостью души,
Во всех альбомах притупивший,
St. Priest, твои карандаши.

Только после знакомства с промежуточными разночтениями начинаешь понимать, насколько совершеннее окончательный вариант. В самом деле, если бы Пушкин сохранил обозначение «граф Д.», как в варианте № 1, он дал бы повод для конкретных соотнесений, например, с графом И. И. Воронцовым-Дашковым, обер-церемониймейстером двора. Не удовлетворили Пушкина и недостаточно выразительные варианты фамилий: Тасов — Стасов, хотя по своим созвучиям они явились ступенькой к «говорящей» фамилии в окончательном варианте — Проласов (в ней можно видеть отзвук мотива отца Лизы: «отец ее — пролаз»). Требовало замены и словосочетание «добрый малый» в первом варианте («славный малый» — во втором и третьем), потому что формула «добрый малый» уже была применена однажды к отцу Татьяны (см. глава II, строфа 29: «отец ее был добрый малый»).

В окончательном тексте Пушкин снял 3-ю строку: «Охотой (вариант: «И страстью») открывать все балы», не потсрав при этом в характеристике Проласова как любителя балов

благодаря следующим за первым четверостишием стихам: «В дверях другой диктатор бальный стоял картинкою журнальной». Определение «другой» распространяет характеристику «диктатора бального» и на Проласова. В результате в границах первого четверостишия Пушкин смог словесно выразить так трудно дававшийся ему мотив Сен-При и его карандашей.

Итак, один из секретов смысловой емкости стиха у Пушкина — в повышенной требовательности к себе как к художнику; черновики поэта с бесчисленными зачеркиваниями строк — это упорный поиск единственно необходимого варианта для выражения мысли и ее ритмического оформления. В процессе черновой работы и возникали «поэтические заготовки», которые позже входили в окончательный текст.

Новая стадия работы наступила через год, осенью 1831 года, когда Пушкин перерабатывал 8-ю и 9-ю главы «Евгения Онегина» в одну — «осьмую и последнюю», вышедшую в свет до 30 января 1832 г.

К этому времени уже была написана и распространялась в списках «Моя родословная» — сатира на придворную эристократию. И, как это часто бывало раньше, раздумья Пушкина над проблемами, не имевшими прямого отношения к роману, но волновавшими его в момент работы над ним, отразились в «Евгении Онегине». В августе—сентябре 1831 г. поэт написал черновики двух новых строф. До нас дошел черновик лишь одной из строф, известной под цифрой XXV в окончательном тексте (ПД № 164); вторая строфа известна лишь по белой рукописи (№ 940).

Вошел собой одним довольный
Всегда сердитый гр<аф> Турин
На дом хозяйки, слишком вольный
На глупость дам, на тон мужчин
На вензель, двум сироткам данный
На Польшу, на климат туманный
На немоту жены своей
На тальи спелых дочерей
Вошел Простов, диктатор бальный
Прыгун записной
У стенки франтик молодой
Стоял картинкою журнальной

Румян как вербный херувим
Затянут, глуп и недвижим.
ПД № 164 (VI, 511—512).

Работа над этой строфой, начатая на нижней части отдельного листа, две трети которого заняты статьей о критике, завершилась созданием полной черновой строфы.

В мотиве «всегда сердитого графа Турина» (1—8 строки) угадывается мотив «нахмуренного» («тут был нахмуренный», VI, 512), мелькнувший в сознании поэта еще год назад, когда он работал над характеристикой гостей Татьяны в «арзрумской тетради». На тесную связь черновика XXV строфы (ПД № 164) с набросками, сделанными в этой рабочей тетради, указывают некоторые особенности ее содержания и построения. Так же, как и в последнем варианте набросков (л. 34₁; VI, 514), в строфе изображаются гости, входящие в салон. В черновике XXV строфы композиция рисуемой картины так же, как и в набросках, состоит из трех образов (черновик: граф Турин, Простов и франтик молодой; наброски: Пролазов, другой диктатор бальный, Лиза). Из набросков на листе 34₁ в строфу переключал мотив диктатора бального. К мотиву «франтика молодого», восходящему к более раннему мотиву «красавца» в набросках (красавец, красавец белокурый, красавец бальный — л. 32₂; VI, 512; другой красавец бальный — л. 32₂), прикрепилась деталь: «стоял картинкою журнальной», — отделившаяся от мотива «диктатора бального» (VI, 514). Мотив графа Турина через ряд промежуточных превращений восходит к первоначальному мотиву «графа Д.» (л. 32₂).

Вскоре после возникновения черновиков появились и белые редакции этих двух строф, занимающие промежуточное положение на пути к окончательному тексту XXV и XXVI строф. Обе они сохранились, и их объединяет общая тема придворной аристократии.

XXV

Тут был на эпиграммы падкой
На все сердитый кн <язь> Бродин
На чай хозяйки слиш <ком> сладкой
На глупость дам, на тон мужчин
На вензель двум сироткам данный
На толки про роман туманный

На пустоту жены своей
И на неловкость дочерей
Тут был один диктатор бальный
Прыгун суровый, должностной;
У стенки фертик молодой
Стоял картинкою журнальной
Румян как вербный херувим
Затянут, нем и недвижим.
(VI, 629).

Тут был Проласов заслуживший
Известность низостью души
Во всех альбомах притупивший
St. Priesl твои карандаши
Тут был К. М. француз женатый
На кукле чахлой и горбатой
И семи тысячах душах;
Тут был во всех своих звездах
Правленья цензор непреклонный
(Недавно грозный сей Катон
За взятки места был лишон)
<Тут был еще сенатор сонный
Проведший с картами свой век,
Для власти нужный человек>.
(VI, 629—630).

Промежуточная перебеленная редакция XXV строфы возникла на записке Жуковского Пушкину от 24 - 27 августа 1831 года. Характер обработки мотивов, ход мысли, близость первого слоя беловика последнему слою черновика и продолжающаяся в беловике обработка строк позволяют заключить, что содержащий много поправок черновик не удовлетворял Пушкина сложившейся здесь редакцией строфы (VI, 511—512), и поэт перебелил текст на подвернувшейся записке Жуковского, торопясь с продолжением работы (VI, 629)¹⁰. Бело-

¹⁰ Поэтому статью о критике, которая начинается словами: «Критика вообще. Критика наука» и датируется 1830 годом (XI, 546), можно датировать августом—сентябрем 1831 года. Статья написана на одном листе с черновиком XXV строфы окончательного текста, тем же почерком и того же цвета чернилами, что и черновик.

вик теснейшим образом связан со своим черновиком, но содержит некоторые изменения, приближающие его к окончательной редакции. «Граф Турин» заменен «князем Бродным» — более весомое обозначение представителя новой знати, сердитого на «вензель, двум сироткам данный». Конкретный вариант: «Простов, диктатор бальный» заменен более обобщенным и менее определенным: «один диктатор бальный», мотив усилен иронической деталью: диктатор — «прыгун суровый, должностной». Снят мотив Польши, который своей конкретностью и злободневностью в связи с завершившимися в это время событиями польского восстания, ослабил бы типичность характеристики тем, что строго хронологизировал ее, и явился бы анахронизмом, так как действие в этой главе происходит весной 1825 года. Вместо «франтик молодой» стало исправленное, при переписывании строфы, на более живописное «фертик молодой»; завуалировано указание на его глупость — вместо «глуп» стало «нем». Снят мотив «вольного дома хозяйки».

Содержание беловика второй строфы, написанной одновременно с предыдущей, но не вошедшей в окончательный текст, показывает, что черновик ее частично восходил к наброскам 1830 года в той же «арзрумской тетради» (мотив Проласова с трансформацией фамилии от «графа Д.» к «Прыгову», «Гасову», «Стасову» восходит к мотиву отца Лизы (пролаза); мотив «куклы чахлой и горбатой» перекликается с мотивом Лизы, которая «уж так горбата»). Сатира этой строфы направлена и против высокопоставленной бюрократии История «К. М. француза», вращающегося в высших сферах, сделавшего в России карьеру женьбой «на кукле чахлой и горбатой и семи тысячах душах», напоминает судьбу министра иностранных дел России австрийца Карла Нессельроде, женившегося на немолодой дочери министра финансов и богача графа Гурьсва¹¹. Как подтверждение этому можно рассматривать и всего лишь замену одного сонорного звука другим в инициалах К. М. <К. Н. Ирония в адрес другого заслуженного государственного деятеля (он был «во всех своих звездах») заключалась в том, что этот блюститель чистоты нравов и враг зло-

¹¹ И Боричевский Пушкин и Лермонтов в борьбе с придворной аристократией — Литературное наследство, т 45—46 Лермонтов, II Изд АН СССР, М., 1948, стр 337—338

употреблений («Катон») на деле оказался злостным взяточником.

Нетрудно заметить, что сатирическая острота этих обобщенных оценок представителей «новой знати» созвучна своей тональностью строфам «Моей родословной». Это обстоятельство и предредило судьбу строф о придворной аристократии в «Евгении Онегине».

Сатира «Моя родословная», ходившая по рукам с ведома Пушкина, грозила поэту большими неприятностями. Стремясь отвести от себя возможный удар через правительственные каналы со стороны своих могущественных врагов и нейтрализовать их возможные попытки навредить ему, Пушкин пытался завуалировать общественный и политический смысл своей сатиры не только путем введения *Post scriptum*'а в «Мою родословную», но и посредством личного обращения к Бенкендорфу с письмом, в котором он делал упор на то, что сатира его является всего лишь ответом на неприличные выпады Булгарина. 24 ноября 1831 г. Пушкин писал Бенкендорфу: «Однако ввиду того, что стихи мои могут быть приняты за косвенную сатиру на происхождение некоторых известных фамилий (разрядка наша. — Н. С.), если не знать, что это очень сдержанный ответ на заслуживающий крайнего порицания вызов, я счел своим долгом откровенно объяснить вам, в чем дело, и приложить при сем стихотворение, о котором идет речь» (XIV, 242, 443).

10 декабря 1831 г. от Бенкендорфа пришло ответное письмо, содержавшее известный отзыв Николая I: «Что касается его стихов, то я нахожу, что в них много остроумия, но более всего желчи. Для чести его пера и особенно его ума будет лучше, если он не станет распространять их» (XIV, 443). В письме содержалась весьма недвусмысленная рекомендация угомониться и прекратить распространение сатиры.

В создавшихся условиях вряд ли было возможно еще раз давать распространенную сатиру на новую знать в тексте «Евгения Онегина». И Пушкин вынужден был вновь переработать совершенно готовые две строфы о новой знати накануне сдачи в печать восьмой главы романа.

Возвращаясь в последний раз к этим строфам, Пушкин стремился сохранить все, что возможно. Напомним эти строфы в их окончательном виде.

XXV

Тут был на эпиграммы падкий,
 На все сердитый господин:
 На чай хозяйский слишком сладкий,
 На плоскость дам, на тон мужчин,
 На толки про роман туманный,
 На вензель, двум сестрицам данный,
 На ложь журналов, на войну,
 На снег и на свою жену.

.

XXVI

Тут был Проласов, заслуживший
 Известность низостью души,
 Во всех альбомах притупивший,
 St.—Priest, гвои карандаши:
 В дверях другой диктатор бальный
 Стоял картинкою журнальной,
 Румян, как вербный херувим,
 Затянут, нем и недвижим,
 И путешественник залетный,
 Перекрахмаленный нахал,
 В гостях улыбку возбуждал
 Своей осанкою заботной,
 И молча обмененный взор
 Ему был общий приговор.

(VI, 176—177)

Наиболее важные изменения в составе XXV и XXVI строф такие:

снята сатира на крупных сановников («К. М. француз», «грозный Катон», «сенатор сонный»), т. е. выполнена основная задача вынужденной перекомпановки сатирического материала (XXVI, 5—14 строки);

сохранен мотив «на все сердитого» гостя, получившего

безотносительное обозначение («на все сердитый господин») вместо прежнего более конкретного варианта («На все сердитый князь Бродин»);

сохранен мотив Проласова, объекта карикатур Сен-При (XXVI, 1—4 строки);

сохранены мотивы «бального диктатора» и «фергика молодого» из промежуточной редакции XXV строфы (строки 9—14); они объединены в один мотив «другого диктатора бального», и эта характеристика перенесена в XXVI строфу (5—8 строки);

сохранен мотив «залетного путешественника», взятый из XXV (по первоначальной нумерации) строфы беловика бывшей девятой главы, и использован в XXVI строфе (9—14 строки); вместо «блестящий лондонский нахал» появилось более нейтральное — в духе всей строфы — и почти афористическое выражение: «перекрахмаленный нахал».

В окончательной редакции обеих строф сатирическое изображение жизни и нравов придворной аристократии несколько ослаблено, но шесть рядов точек в XXVI строфе посылно компенсируют в сложившейся ситуации вынужденную утрату острых сатирических мотивов. Отточия заставляют справедливо полагать, что Пушкин принужден был опустить более острый и неприемлемый в цензурном отношении материал по сравнению с началом строфы.

Творческая история XXIII—XXVI строф восьмой главы показывает, что критический пафос оценок высшего общества постоянно нарастал и углублялся, от конкретных деталей переходя к обобщениям, что мастерство изображения при этом непрерывно совершенствовалось. Первоначально выделяя в представителях света физическое уродство, глупость, низость души, Пушкин многие из этих оценок сохранил в окончательном тексте и нашел обобщенные характеристики, которые вбирают в себя слишком конкретизированные ранее мотивы (как, например, мотив глупости) в соответствии с эстетическим принципом, заявленным в XXIV строфе («цвет столицы» — это «везде встречаемые лица, необходимые глупцы...»). Первоначально, отталкиваясь от конкретных впечатлений жизни, Пушкин называл много имен или достаточно выразительных инициалов: Анетта Оленина, Лиза Лосина, Стасов граф Д. и другие. В окончательном тексте осталась лишь одна

конкретная фамилия, но и она — «говорящая»: Проласов, а поэтому имеет обобщенно-отвлеченный характер.

В результате всех переделок текста Пушкин существенно приглушил мотив дружеской атмосферы в салоне Татьяны, сохранив из трех строф, в которых первоначально развивалась эта тема, только одну XXIII строфу. Поэт заметно усилил критическую сторону оценок салона Татьяны, введя новую XXIV строфу, а позже написав XXV и XXVI строфы, развивающие сатирическую направленность предшествующей им строфы. Мотив внутреннего единодушия посетителей салона сменился мотивом чисто внешней светской общности (см. «общий приговор» «перекрахмаленному нахалу»).

В пушкиноведческой литературе распространено мнение о «явном противоречии» между XXIII и последующими строфами о салоне Татьяны («в XXIII строфе гостиная Татьяны освещена благожелательно», «но в следующих строфах светское общество этой гостиной зарисовано с уничтожающей резкостью..»). «История переработки этих строф, изученная М. Гофманом («Пропущенные строфы «Евгения Онегина», П., 1922), Д. Д. Благим («Социология творчества Пушкина») и Н. К. Пиксановым («На пути к гибели». В сб. «О классиках». М., 1933), наглядно обнаруживает колебания и противоречия Пушкина, заставлявшие его тянуться к большому свету и одновременно задыхаться в сем «омуте»¹².

Однако анализ рукописных материалов и других источников не подтверждает эту точку зрения. Сложная эволюция Пушкина в развитии темы большого света не может рассматриваться как свидетельство «колебаний и противоречий» писателя на рубеже 30-х годов в его отношении к придворной аристократии. Давний конфликт поэта с новой знатью ясно сформулирован им в «Моей родословной» («Я... не якшаюсь с новой знатью»), над которой Пушкин работал параллельно с завершением романа (автограф сатиры имеет дату: 3 декабря 1830 г.).

Противоречивые, на первый взгляд, повороты в развитии Пушкиным темы большого света в XXIII—XXVI строфах свидетельствуют о непрерывном совершенствовании замысла романа в целом; о постоянном стремлении уточнять концепцию

¹² Н. Л. Бродский. Евгений Онегин. Роман А. С. Пушкина. Пособие для учителя. Издание пятое. «Просвещение», М., 1964, стр. 298—299.

основных образов; об углублении оценок действительности; об усилении критического отношения Пушкина к высшему обществу на рубеже тридцатых годов и в то же время — о необходимости считаться с возросшими цензурными ограничениями¹³.

¹³ Материал этой статьи частично может быть использован в школьной лекции или беседе, когда учитель характеризует жизнь и творчество Пушкина на рубеже 30-х годов; во время комментированного чтения романа или на обобщающем уроке о мастерстве писателя. История создания сатирических строф восьмой главы «Евгения Онегина» позволяет познакомить учеников с процессом типизации (развитие характеристики гостей салона Татьяны, генезис образа Проласова и др.); можно обратить внимание на композиционное значение опущенных строк в XXV строфе и перестановок текста в XXV и XXVI строфах. Для большей наглядности и занимательности рассказа целесообразно приготовить раздаточный материал или составить несколько таблиц с примерными названиями: «Уплотнение стиховой ткани» (соответственная запись вариантов 1—4), «Мотив Сен-При и его карандашей» (записать варианты 1—8), «Мотив Лизы и ее отца — пролаза».

ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ П. СТУЧКИ

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТОМ 106

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

Рига 1968